

РАННИЙ ГОРЬКИЙ: ЖИЗНЬ ИЛИ ТВОРЧЕСТВО?¹

<...> Начало карьеры М. Горького... Именно в этот период Горький накапливает огромный символический капитал. Его он приобретает надолго, можно сказать, навсегда. Из него вытекает вся карьера Горького.

На вопрос о том, откуда, каким образом Горький черпал этот капитал, критика отвечает в общих чертах так: главным источником неслыханного успеха раннего Горького является его биографический и социальный профиль. Вопрос о том, кто был Горький, важнее вопроса о том, что он писал. Жизнь важнее творчества.

В комментариях к произведениям Горького анализ текста, изучение его литературных характеров тонет в море данных о социальном контексте эпохи и о биографии Горького. Творчество Горького рассматривается, скорее всего, как симптом эпохи; в нем видят не монумент, а документ.

Конечно, произведение искусства всегда тесно связано с контекстом в общем смысле слова, оно не независимо от окружающего мира. Поэтому вполне справедливо изучать его генезис, т.е. манеру, то, как складывается в нем материал. Но когда речь идет о Горьком, критика не довольствуется обыкновенным, банальным указанием на факты, которые обуславливают творческий процесс. В случае Горького складывается такое впечатление, что содержание, смысл его произведений исчерпывается контекстом, социальными условиями, биографией. По словам Д. С. Мережковского, очерки и рассказы Горького — это просто «правдивейший подлинник жизни, кусок, вырванный из жизни с телом и кровью», а в этом кровавом и, пожалуй, на взгляд Мережковского, несколько отвратительном куске жизни совсем нет искусства: «О Горьком как о художнике именно больше двух слов говорить не стоит», — пишет Мережковский². Горький — это только жизнь, биография, документ.

Мережковский смотрит на Горького свысока, со снисхождением культурного интеллигентного философа-спиритуалиста, и его отношение к Горькому во многом предсказуемо. Если мы обращаем внимание на то, что писали поклонники и апологеты Горького, оказывается, что их мнение по существу мало отличается от мнения Мережковского. Оценка их, конечно, иная, положительная, но сама идея остается неизменной. Для марксистов, для советской официальной критики Горький тем и велик, что он был союзником российских социал-демократов, тем, что, по словам Большой Советской Энциклопедии, «он связал свое искусство и всю свою деятельность с идеологией и общественной практикой революционного пролетариата»³. Суть произведений Горького — его политические убеждения <...>. Биография, идеология Горького, его связи, его нехудожественные позиции, его жизнь — все это дает ключ к интерпретации его литературных произведений. Для правильного толкования Горького достаточно открыть, кем он был. Творчество полностью сводится к жизни.

<...> такой подход к Горькому встречается в большинстве <...> работ. В многотомной «Истории русской литературы», опубликованной во Франции под ред. Е. Эткинды, Ж. Нива и В. Страда, последний пишет, что с литературной точки зрения произведения Горького представляют мало интереса, поскольку Горький не порывает со вкусом (народнического) «наследия»⁴.

¹ Впервые: Максим Горький: взгляд из XXI века. Горьковские юбилейные чтения — 2008 (Москва, 2008 г.). М., 2010.

² Мережковский Д. С. Грядущий хам. Чехов и Горький // Максим Горький: pro et contra. СПб., 1997. С. 644–645.

³ БСЭ. Т. 12. М., 1952. С. 244.

⁴ Strada Vittorio. La littérature de la fin du XIXe siècle // Histoire de la littérature russe. L'Âge d'argent. Париж, 1987. С. 45.

И здесь очень важный элемент: хронология. Страда не может игнорировать популярность первых сборников Горького. И объясняет ее тем, что Горький тогда уже (в 1898–1899 гг.) играл огромную роль в русской общественности. Нужно сказать, что популярность, тиражи действительно были, правда, роль Горького в общественности откроется позже. Когда вышел в свет его первый двухтомник, Горький никакой общественной роли еще не играл.

Страда очень близок к М. О. Меньшикову, который в известном памфлете о Горьком толковал тиражи первых изданий очерков и рассказов как результат бесстыдной кампании маркетинга, как будто в успехе ни сама книга, ни ее содержание не имели никакого значения. «Слишком неожиданная слава» Горького вытекает из того, что «для г. Горького устраивались в Петербурге литературные вечера, его всюду возили, выставляли, снимали портреты с него, рекламировали, издавали...»⁵ Меньшиков дает понять, что Горького сначала рекламировали, а потом только издавали: сначала условия (то, что злопамятный Бунин в 30-е гг. назвал «безмерно счастливым <...> стечением <...> обстоятельств»), контекст, документ, а лишь потом, как следствие, книга, издание, творчество, монумент⁶.

Меньшиков имеет в виду первую поездку Горького в Петербург, которая состоялась через полтора года после первого издания очерков и рассказов. Между тем публика уже успела предаться горькомании. Но дело в том, что в эти годы (1898–1899-е) о биографии (жизни) Горького никто не знал. В письме Чехову конца 1898 г. Горький пишет: «Я самоучка, мне 30 лет»⁷. Это значит, что Чехову, который был в курсе всего того, что касалось литературного *petit monde*, биография Горького не была известна. Т.е. можно предположить, что публика имела не больше информации, чем Чехов.

Причины успеха, которым пользовался ранний Горький, т.о., лучше искать в самих его произведениях. В конце XIX в. это Пешков («жизнь») гонялся за Горьким («творчеством»), говорил басом, плевал себе в усы.

Что дал Горький публике? Можно сказать, что он ее освободил. Да, Горький освободил читателя от всех ужасно тяжелых обязанностей и запретов, которые давили на него. Почти мгновенно, как фокусник, ранний Горький <...> ясно дал понять, что проповедь Толстого или Михайловского оставляют его совершенно спокойным. Его босяки не заботятся о народе, о мужике, они не согласны с тем, что нужно жертвовать собой во имя народа. Ибо, во-первых, нет никакого народа. Есть Иван, Павел, Федор, а народа нет. Во-вторых, жертвы никто не требует, жертва никому не нужна.

Ранний Горький выходит за рамки народнической литературы, он отказывается от языка народничества, от его тематики, его сюжетов. «Отказывается», правда, не вполне подходящее слово. Скорее всего, здесь можно говорить об игнорировании. Горький не пытается развязывать гордиев узел народнической проблематики, он забывает все, что относится к спорам о «малых делах», не старается понимать, нужно ли принимать в расчет кавычки в названии романа Потапенко «Не герой». В своих очерках и рассказах ранний Горький осуществляет решительную смену взглядов или, по выражению Х.-Р. Яусса, «смену горизонта»⁸.

В чем же состоит эта смена горизонта? Можно сказать, что ранний Горький переходит от публичной проблематики народничества и толстовства к частной, индивидуальной проблематике. Тем самым он переосмысливает проблему человеческой личности. У народников, как вообще у русских интеллигентов, взгляд на формирование личности в общем таков: есть великие предшественники — Белинский, Чернышевский... — и у этих отцов нужно учиться. Великие писатели указали путь, по которому нужно идти, путь аскетизма, путь героизма и высоких требований. В этой концепции судьба

⁵ Меньшиков М. О. Красивый цинизм // Максим Горький: pro et contra. С. 435.

⁶ Бунин И. А. Горький // Максим Горький: pro et contra. С. 109.

⁷ Горький М. Полн. собр. соч.: в 24 т. Письма. Т. 1. М., 1997. С. 294.

⁸ Jauss Hans-Robert. Receptionsthätik. Мюнхен. 1975.

самого интеллигента, «я», не важна. Но для Горького уважение человека вообще, уважение других невысказано без уважения к самому себе. И тут он открывает, что лучший путь формирования личности нельзя указать а priori, раз навсегда, на основании того, что писали Белинский и Чернышевский. Для раннего Горького может оказаться плодотворным всё. <...> И нет таких книг, «без которых нельзя жить». Манера, как человек, конструирует сама себя, она непредсказуема.

Ранний Горький полагает, что любой человек, пусть голодный, неграмотный, может найти свой собственный путь к некоему совершенству. Тем самым Горький освобождает читателя от давления народнических и толстовских идеалов и образцов. Возвращает читателю веру и уважение к себе. Нет человека, о котором можно сказать, что он «маленький» или что он занимается «малыми делами». <...>

Именно в этом столь необычном понимании проблемы личности нужно искать причины огромной популярности раннего Горького. И новый взгляд на человека публика находила, конечно, не в биографии Горького, а в его творчестве Горького, вне зависимости от того, какую общественную роль впоследствии он играл.